Свадебныя пѣсни, записанныя въ Подольской губерніи.

„Пѣснь для Малороссіи—все:
и поэзія, и исторія, и отцовская
могила".

Гоголь.

Замѣчаніе безсмертнаго Гоголя о малороссійскихъ пѣсняхъ, сдѣланное болѣе 60-ти лѣтъ тому назадъ, относится и къ свадебнымъ пѣснямъ, и даже въ особенности.

Свадебныя пѣсни въ высокой степени обладаютъ поэтическими и художественными достоинствами, вообще присущими малорусской народной пѣснѣ. Необыкновенная простота (въ лучшемъ смыслѣ слова), глубина и въ то же время реальность мысли и чувства (содержанія); сердечность, нѣжность, задушевность тона, то трогательная, то возвышающаяся до глубокаго религіознаго чувства; богатство и разнообразіе красокъ, взятыхъ изъ окружающей обстановки (здѣсь, такъ сказать, разсыпаны цвѣты сравненій, уподобленій, обращенія къ природѣ—къ вѣтру, мѣсяцу); изящная, музыкальная форма стиха, обиліе, звучность риѳмы и проч.—таковы достоинства, между пр., и свадебныхъ пѣсенъ.

Малорусскія свадебныя—пѣсни это исторія народа по преимуществу.

По замѣчанію изслѣдователей[1]), ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ народнаго творчества не уцѣлѣла въ такой старой чис-

[1]) Н. И. Костомаровъ, Семейный бытъ въ произвед. южно-русскаго народнаго творчества, стр. 364—410, въ изд. Литерат. наслѣдіе. Спб. 1890.

тотѣ, не отразилась такъ послѣдовательно—эпоха за эпохой, слой за слоемъ—вся прошедшая многовѣковая жизнь народа. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить и настоящее собраніе свадебныхъ пѣсенъ. Въ нихъ, можно сказать, еще живетъ старый родовой бытъ. Здѣсь и религіозное отношеніе къ водѣ, дереву („гильце", вѣтка дерева въ обрядахъ, т. е. часть вмѣсто цѣлаго), и слѣды охотничьяго быта (упавшее „перо" въ пѣснѣ). Здѣсь и слѣды древняго умыканія—похищенія—невѣсты (война) съ жалобами „на чужую сторону", естественными при разобщенности родовъ, и рядомъ—слѣды позднѣйшей сдѣлки, сговора („згода"), о чемъ свидѣтельствуютъ также „дары"—подарки, имѣющіе значеніе выкупа. Здѣсь и князь съ княгинею—такъ зовутъ жениха и невѣсту въ пѣсняхъ. По свадебнымъ пѣснямъ можно было бы нарисовать цѣлую картину дружинно-княжескаго быта: молодая княгиня въ вѣнкѣ сидитъ за столомъ; у нея обширные дворы, накрытые столы; ее окружаетъ дружина, у которой, между пр., золотые ножи, вилки; съ дружиною своею она отправляется на войну („село звоювали") и т. п. Здѣсь и память о первомъ проникновеніи христіанства изъ Крыма—драгоцѣнное четверостишіе о монахахъ, вынесшихъ изъ Крыма книгу вѣнчанія; и память о татарахъ, продававшихъ людей въ неволю, и о козачествѣ—въ пѣснѣ жениха—„козакъ, на немъ шапочка, какъ макъ". Наконецъ, здѣсь же упоминаніе о писаряхъ, на рынкѣ пишущихъ листы разлуки („разлучени лыста")—быть можетъ память о крѣпостномъ правѣ, о времени „пановъ, па́ньщины", когда нерѣдко разлучали членовъ одной и той же семьи—и т. п. Въ этомъ же смыслѣ свадебныя пѣсни—и отцовская могила. И всѣ эти разнообразныя наслоенія на простой, старой и вѣчно новой, основѣ—выходъ дѣвицы въ замужество, ея думы при этомъ, радость и горе... Невѣста является, такъ сказать, героиней, главнымъ, центральнымъ лицомъ свадебнаго дѣйствія. Въ этихъ же пѣсняхъ высказывается народный взглядъ и на назначеніе женщины въ семейномъ быту:

„До хаты мастильныця (мазальщица),
До коморы ключныця,
Въ поли робитныця".

Въ изученіи памятниковъ народнаго творчества, народнаго духа—дорогъ каждый новый мотивъ, каждая новая черта, каждая, т. ск., крупица, не говоря уже о томъ, что богатый этнографическій матеріалъ заключается большею частью въ изданіяхъ малодоступныхъ или ставшихъ библіографическою рѣдкостью, что открываетъ широкій просторъ для разныхъ компаній лубочниковъ... Съ этой стороны предлагаемыя свадебныя пѣсни подольской губерніи, кромѣ своего главнаго, общаго значенія, могутъ представлять еще особый, чисто *мѣстный* интересъ, какъ отраженіе историко-географическихъ особенностей мѣстной жизни. Если этнографически Подолія (древн. „Понизье“) представляетъ единое славянское цѣлое (Уличи и Тиверцы лѣтописей), то географическія условія и историческія судьбы ея неодинаковы. Западная часть Подоліи примыкаетъ къ древней Червонной Руси (Галиція), отъ которой отдѣляется р. Збручемъ, а Восточная Подолія примыкаетъ къ древней землѣ Кіевской. Въ то время какъ въ сѣверной части Подоліи господствовали князья волынскіе, Западная Подолія подчинялась князьямъ Галицкимъ (городъ Львовъ въ пѣсняхъ), а Восточная Подолія—князьямъ кіевскимъ. Послѣ господства Татаръ и Литвы (со второй половины XIV в. князья—братья Коріатовичи), Западная Подолія, по р. Мурафу, уже съ тридцатыхъ годовъ XV столѣтія подпадаетъ подъ власть Польши, тогда какъ для Восточной Подоліи эта власть Польши наступила болѣе чѣмъ на столѣтіе позже—со времени Люблинской уніи [1]). Естественно, поэтому, встрѣтить въ языкѣ Западной Подоліи слѣды вліянія червонорусскаго говора, болѣе частые полонизмы, между тѣмъ какъ говоръ Восточной Подоліи долженъ отличаться сравнительно большею чистотою и близостью къ говору кіевскому. Разумѣемъ болѣе внѣшнія формы языка, акцентъ, потому что никакія постороннія вліянія не коснулись, не нарушили крѣпкой славянской основы. Здѣсь слѣдовало бы еще выдѣлить, т. н., днѣстровское побережье Подоліи—мѣсто соприкосновенія съ румынскою народностью, вліянье которой оказалось, между пр., въ отсутствіи свадебныхъ пѣсенъ.

---

[1]) П. Н. Батюшковъ, Подолія. Спб. 1890.
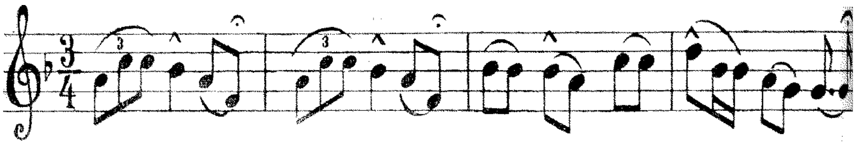
Большинство свадебныхъ пѣсенъ настоящаго собранія относятся къ Западной Подоліи, и только приблизительно четвертая часть ихъ относится къ Восточной Подоліи [1]).

Народный свадебный обрядъ („нашъ законъ“, по словамъ одного крестьянина) отличается большою устойчивостью, сохранностью; исполненіе его считается настолько же необходимымъ и важнымъ, какъ и церковный обрядъ.

Малорусское свадебное дѣйствіе—„весилля“—состоитъ изъ трехъ главныхъ актовъ, въ свою очередь подраздѣляющихся на части, и заключенія или эпилога. Пѣсни нашего собранія представляютъ (за исключеніемъ т. н. „Заручинъ“ или сговора) съ нѣкоторою полнотою два главнѣйшихъ акта „свадебной трилогіи“, именно — дѣвичъ-вечеръ, происходящій обыкновенно въ субботу, и собственно брачное торжество въ день вѣнчанія, обыкновенно въ воскресенье, а также заключительный „эпилогъ“— въ понедѣльникъ и далѣе.

Свадебныя пѣсни поютъ, главнымъ, образомъ, женщины, участвующія въ свадебномъ обрядѣ—дѣвицы, подруги невѣсты („дружки“) и замужнія женщины („свахи“). Мотивъ свадебныхъ пѣсенъ, насколько намъ извѣстно, одинаковый, вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ пѣсенъ и скорѣе проникнутъ оттѣнкомъ грусти.

Свадебный мотивъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ.

Ой, матинко—утко, Звывай же ся хутко: Мы ся й узвы валы Всё село звою—валы.

Переходимъ къ послѣдовательному изложенію свадебныхъ обрядовъ и сопровождающихъ ихъ свадебныхъ пѣсенъ.

---

[1]) Свадебныя пѣсни записаны въ 1881 г., со словъ замужней крестьянки села Думаново, каменецкаго уѣзда. По нѣсколько пѣсенъ изъ с. Попелюхи, ольгопольскаго уѣзда. (П.), изъ с. Раковки, гайсинскаго уѣзда. (Р.) и одна изъ нихъ с. Тростянецъ, ямпольскаго уѣзда. (Т.)—Пѣсни записаны звуковымъ способомъ, хотя и болѣе отвѣтственнымъ, но позволяющимъ сохранить оттѣнки мѣстнаго произношенія.

I.

Суббота. Въ домѣ „молодой“ (невѣсты).—Свадебный обрядъ, какъ и каждое дѣйствіе его, начинается благословеніемъ, обыкновенно троекратнымъ. Съ благословенія Бога, Пречистой Матери, отца, матери, старшаго брата, сестры и другихъ родственниковъ, а также съ благословенія „пана старосты“—главнаго распорядителя свадебнаго обряда, „дружки“—подруги невѣсты, дѣвицы—*„увиваютъ, вьютъ вѣнокъ, вѣнки“*, и поютъ соотвѣтствующія пѣсни.—Закручинился степенный староста—съ чего въ субботу вить вѣнки? Отвѣтъ—съ барвинку: „вѣнокъ—крещатый барвинокъ“. Барвинокъ—символъ любви, также какъ рута—символъ дѣвственности. Вынимая изъ сундука барвинокъ, невѣста не можетъ не заплакать... Развѣ я тебѣ не говорила—поется въ обращеніи къ невѣстѣ отъ лица матери—не ходить по воду „до броду“, п. ч. тебѣ измѣнятъ („зрадятъ“) фіялочки, приведутъ къ чужой матери? Невѣста обращается къ отцу, чтобы онъ посмотрѣлъ, какой вѣнецъ купилъ ей милый во Львовѣ.

Пане войче, пани матко, пане брате, пани сестро..., панъ староста!

Шобы-сь ци благословылы
И винець увылы!

Или: Пане старосто,
Просимы благословеньства,
Повтурее и потшеци?
Дзенькуемъ вашéци!

—

Поютъ: А зъ руточкы дви квиточкы,
Благословы, Боже, отець, маты,
Своему дытяти винокъ увываты!
Я батенько такъ мовытъ:
Пречыстая Мате, виночокъ ій увываты.
Ой, матинка такъ мовытъ:
Нехай Богъ благословытъ.
Я братчычокъ такъ мовытъ:
Най тя Богъ благословытъ.
(Я сестрычка, бабуня, цётуня и т. д.)

—

Ой, зажурывся статечный старостонька,
Сь чого мы будемъ въ субботу винкы выты,
За що мы будемъ мидъ горивку пыты?
Ой, е у дружечкы вышневый садочокъ,
У тимъ садочку кресчатый барвиночокъ:
Съ того мы будемъ въ субботу винкы выты,
А за тóе будемъ мидъ-горивку пыты.

—

Ой, винче-жъ мій, винче,
Хрещатый барвинче,
Я-жъ тебе полывала
И въ скрыни замыкала,
Теперъ тебе рушу
Заплакаты мушу. (Р.)

—

Чы я тоби не казала—
Не ходы до броду по воду,
Бо тебе тіи фіалочкы зрадятъ,
До чужои матиноньки препровадятъ?
Я чужа матинонька рано не збудыть:
Тилькы пиде до сосиды—обсудытъ:
Яка въ лиси ковенёчка[1]) гнылая,
Така у мене невисточка другая.

—

Ой, подывыся, мій батеньку, на мене
Не сходыла я такого винця у тебе!
Купывъ мени мій мыленький ви Львови
За сто золотыхъ и за четыре червовыхъ.

—

Замужнія женщины („жинкы“) начинаютъ „*вить гильце*“, т. е. убираютъ, украшаютъ вѣтку дерева „овсомъ, перомъ, калиною...“. Обыкновенно, для этого употребляется вѣтка сосны, такъ какъ свадьбы большею частью происходятъ зимою, отчего гильце называется иногда „*сосна*“. Калина—символъ выходящей замужъ женщины. Гильце, по замѣчанію изслѣдователей, имѣетъ символичное значеніе брачнаго вѣнка, но въ нашихъ пѣсняхъ гильце и вѣнокъ не смѣшиваются и стоятъ отдѣльно.

Выйся, гиленько, гарно (т. е. красиво),
Дамо тя межы люды—
Славне гиленько буде!

[1]) Гнилой кусокъ дерева.

Зажурывся статечный староста—
Съ чого мы будемъ гиленько выты,
За що мы будемъ мидъ-горивку пыты?
Горивкы, марнóи горивкы—
Погнивалыся вси жинкы:
Гилéнько увылы—
Ще твои горивкы не пылы!

—

Ой, сосна-сосва, десь росла?
Ой, рослямъ бо я у лиси,
Пры зелененькимъ гориси,
Гаемъ-Дунаемъ пры̆плыла,
Тай у молодои (-го) на столи зацвила.

Съ такими же обрядами благословенія растворяютъ и пекутъ т. н. *коровай,* свадебный хлѣбъ--обычай общеславянскій. Вода въ короваѣ изъ „Дуная"—славянской пѣсенной рѣки. Съ короваемъ идутъ въ село, и въ пѣснѣ находимъ обращеніе къ мѣсяцу, чтобы онъ освѣщалъ путь.

Я зъ руточкы дви квиточкы—
Пречыстая Мате,
Коровай росчыняты!

—

Нихто не вгадае—
Що въ нашимъ короваю?
Въ нашимъ короваю
Водыця—зъ Дунаю,
Два збанкы масянкы,
Яйци пидгайци—
Ти въ нашимъ коровайци.

—

Мисяцю рогожéньку,
Свиты намъ дориженьку,
Абесь мо не зблудылы.
Коровай не згубылы.
Мисяцю зъ раю,
Свиты нашему короваю,
Абесь мо не зблудылы,
Коровай не згубылы.

Далѣе слѣдуетъ обрядъ расплетанія и расчесыванія косы. *Расплетаніе косы*—грустная минута для молодой (невѣсты). При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присутствуетъ и женихъ:

„старшая дружка (свѣтилка?) покрываетъ молодую платкомъ, а молодой (женихъ) открываетъ“ (П.). Начинается обычнымъ призывомъ благословенія Бога, отца—матери. Созывается весь „родъ“ расплетать косу. Поется о „чернобрывцяхъ“ (багрецы), которые посѣяны около Рождества и теперь расцвѣли

Якъ перший разъ,
Якъ Божій часъ—
Благословы, Боже,
И отéць и маты,
Своего дитяти
Рóсу косу росплитаты. (П.)

—

Ой, стану я на былыну,
Крыкну я на родыну:
Сходыся, мій родóчку,
Росплитаты косочку.

—

Було лито, було лито,
Я теперъ—зыма,
Посіяла чорнобрывци
Противу Рыздва.
А вже-сь мои чорнобрывци
Процвитаютъ,
А вже-жь мою росу-косу
Росплитаютъ. (П.)

Передъ *расчесываніемъ косы* также „просятъ благословеньства, кланяются, поютъ—„я зъ руточки...“ и т. д. Отъ лица невѣсты обращаются къ отцу, матери, брату, просятъ подать щеточку-гребешокъ, чтобы расчесать „росу-косу“ подъ вѣнецъ; при этомъ невѣста проситъ не зарвать волосочекъ, не поразить („заразить“) ея сердечко... Сравненіе: на дворѣ „деренъ“ тешутъ—въ хатѣ косу чешутъ. Молодая сидитъ за столомъ въ вѣнкѣ, какъ „княгиня“.

Стань, батеньку (или матинко, братчыку, сестрычко и т. д.), на стильчыкъ.
Подай щиточку-гребинчыкъ,
Росчесаты росу-косу пидъ винчыкъ.
Чешы, батеньку, косу,
Не зорвы волосочка,
Не заразы мого серденька,

Бо воно заражёне—
Зъ батенькомъ розлучене.

—

На двори дерёвъ тешутъ,
А въ хати косу чешутъ;
На двори—терныною,
А въ хати—*княгынею.*

—

Ой, ставь, братику, на стилець,
Та подай съ полыци гребинець,
Росчесаты росу-косу пидъ винець. (Р.)

Убранную невѣсту „*въ село выряжаютъ*“, т. е. она отправляется въ сопровожденіи дружекъ въ село звать къ себѣ на свадьбу. Обращаясь къ матери, просятъ снарядить свою дочь изобиліемъ („пóвною“), доброю долею и мелкими слезами... Слѣдуетъ обращеніе къ вѣтру, чтобы онъ развѣялъ „росу-косу“ по шелковому поясу невѣсты, чтобы разнеслась добрая слава („поголóска“). Возвращаясь изъ села, поютъ, что „все село звоювалы“—пригласили родныхъ, сосѣдей, а по другой пѣснѣ „не миновали ни одного („жàдного“) двора“. Невѣста спрашиваетъ мать, есть ли безъ нея порядокъ („ладъ“) въ хатѣ—заметены ли „дворы“, застелены ли „столы“,—проситъ зарѣзать „курочку“, потому что дружечкы хотятъ ѣсть, и желаетъ „добраго вечера“ всѣмъ, кто находится въ домѣ. Невѣстѣ-сиротѣ поютъ, что батенько ея встаетъ изъ гроба *на судъ* („до суду“)...

А зъ руточкы дви квиточкы—
Благословы, Боже, отець и маты,
Своёму дытяти въ село выражаты.

—

Кланяйся старому и малому
И Богови святому!

—

Ой, вмила-сь, маты, дытятко годуваты,
Ой, вмій же éгó на село выряжаты:
Черезъ синонькы—повною-повноньковю,
Черезъ подвирья—доброю доленькою,
Ой, по-за ворота вже тымы колоскамы—
Дрибнымы слезонькамы.

—

Ой, витре, дорогою
За нашою молодою,
Розвій росу-косу
По шовковимъ поясу,
Розвій по волóска,
Щобъ була поголóска.

—

Ой, матинко—утко [1])
Звывай же ся хутко (т. е. скоро);
Мы ся й узвывалы,
Усё село звоювалы,
Всю родыну спросылы—
Блызьку и далекую,
И сусиду блызенькую.
Добрый вечиръ, нéне,
Чы е ладъ безъ мене,
Чы замитани дворы,
Чы застéлени столы
Безъ мене молодои?
Добрый вечиръ тому,
Хто е въ нашимъ дому—
И старому и малому
И Богови святому.
Ой, матинко—утко,
Рижъ *курочку* хутко:
Курочка ся трясконе,
Дружечкы йисты хочуть.
Добрый вечиръ, маты,
Зъ синей до хаты!
— Бодай здорови булы,
Що за насъ не забулы,
За старого й за малого
И за Бога святого.

—

Митиночко—утко
Выхай же ся хутко,
Бо мы ся вже звыхалы.
Все село звоювалы—
Видъ кола до кола
Не мынулы жáдного двора: (Т.).

—

Закрычалы янгели на неби
Я збудылы батечка во гроби:

[1]) Уменьшит. оконч.— „матинутко“.

Вставай, батечку, *до суду*,
Ведуть твое дытяточко до шлюбу.

Наконецъ, слѣдуетъ ужинъ. Молодая „княгиня“ въ вѣнкѣ сидитъ на главномъ мѣстѣ за столомъ. Женихъ непремѣнно въ шапкѣ съ квиткою (цвѣткомъ).

По чимъ ты мене пизнала?
По тóби: сывая шапка на тóби.

Происходятъ танцы, игры, шутки, насмѣши—т. наз. „головиця“ (головка, головной уборъ, вѣнецъ—Даль, Толк. Сл.): парни стараются сорвать съ дѣвушекъ запаски, переодѣваются „за комедіи“, дѣлаютъ „соломляни кóни“, танцуютъ „съ лопатою“ и т. д. Этимъ заканчивается суббота въ домѣ невѣсты.

II.

Воскресенье. День вѣнчанья и собственно брачнаго торжества.

Пѣсни *передъ вѣнчаньемъ* („до шлюбу“). Еще дома поютъ: Отворяйтесь, ворота, сирота ѣдетъ вѣнчаться и низко кланяется. По слѣдамъ жениха взошелъ „василекъ“, а по слѣдамъ невѣсты—„мята“—какъ и рута—символъ дѣвственности. Невѣста сравнивается даже съ „ягодой, калиной, малиною“—символы выходящей замужъ женщины. Выберемся пораньше, чтобы не пропалъ нашъ сговоръ („згода“). Просьба къ батюшкѣ, чтобы онъ повѣнчалъ двое дѣтей, жениха и невѣсту.

Отворяйтеся, ворота,
Йде до шлюбу сырота,
Нызенько вона ся кланяе,
Бо матиньки не мае,

—

Кланяйся гóже (хорошо, пригоже. Даль Т. Сл.).
Най тоби Господь допоможе!

—

Въ гай дороженька,
До шлюбу стеженька,—
Куда молоденькый шовъ,

То тамъ васылекъ зійшовъ,
Куда молода йшла,
То тамъ мяточка зійшла.

До шлюбу мы йдемо,
Молоду ведемо:
Молода якъ ягода,
Червона, якъ калына,
Солодка, якъ малыва.

Выбыраймося рано,
Шобы намъ шлюбъ дано,—
Не застанемъ попа—
Пропала наша згóда.

Ой, попе-попе, батьку нашъ,
А выйды противъ насъ:
Якый въ церковци святый Спасъ—
Звинчай двое дытяточокъ змежы насъ,
Одно дытятко молодый (имя)
Друге дытятко молода (имя).

Пѣсни *послѣ вѣнчанья* („видъ шлюбу"). Благодарность батюшкѣ за то, что обвѣнчалъ и немного взялъ. Замѣчательное четверостишіе о монахахъ („чéрчекы"), вынесшихъ изъ Крыма книгу вѣнчанія. Невѣста съ „посѣченой калиной"; на ногахъ у нея „красные" чоботки—все это имѣетъ символическое значеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новобрачнымъ по пути изъ церкви „переливаютъ дорогу „*водою*".

Дякуймо попоськови,
Якъ ридьому батькови,
Шо намъ шлюбъ давъ,
Не много взявъ.
Видъ пана молодого
Пивтора золотого,
Видъ молодои ни гроша,
Бо молода хороша.

Дякуймо попоськови,
Якъ своему батенькови,
Шо винъ намъ шлюбъ давъ,
Не багацько й взявъ:

Пивтора червоного
Вицъ пана молодого. (Р.).

Выйшлы чёрчекы зъ Крыму,
Вынеслы соби кныгу—
Чорнéньке пысанячко,
Вечнее винчанячко. (П.).

Сичéна калына—сичéна,
Вже-жъ наша Н... звинчена,
Червони чоботкы на нози,
Шо купывъ Петрунё въ дорози.

По возвращеніи изъ церкви въ домѣ невѣсты слѣдуетъ *привѣтствіе матери* („Радуйся"): вмѣсто одного дидяти она имѣетъ двоихъ; приглашеніе встрѣтить новобрачныхъ въ кожухѣ—мохнатый кожухъ, шерсть—символъ богатства,—или съ калачемъ. Тутъ же идетъ рѣчь объ упавшемъ перѣ („пыро" и „пюро"). Садятся за столъ, на которомъ разставлены „гыжкы" (свиной студень), „горивка" (водка). Обѣдъ у невѣсты и жениха происходитъ отдѣльно, безъ участія новобрачныхъ.

Радуйся, матинонько:
Взяло шлюбъ дытятонько:
Якъ идно, такъ другое,
Вже твои обыдвое.

Или: Першесь ся радувала,
Якъ его годувала,—
Теперь ся велычаешъ:
За йидно двое маешъ.

Выйды, матинко, звытайся,
Своего дытяткы спытайся—
Дэ твое дытятко бувало?
Пидъ царскимъ винцемъ стояло,
Зъ молодымъ шлюбъ брало.

Выйды, матинко, въ кожуси,
Якъ въ Боговимъ дуси:
Якый кожухъ мохнатый,
Такый твій зять богатый.

Выйды, матинко, зъ калачомъ,
Иидé твое дытятко зъ павычомъ
(или зъ мужыкомъ),
Завязани били рукы рушныкомъ. (П.).

Дэ биле пыро впало
Тамъ намъ ся сподобало:
Молоденька стояла,
До серденька прыставала.

Тутъ наше пыро впало,
Тутъ намъ ся сподобало:
Дивчынонька молоденька
Прыстала до серденька. (Р.).

Въ воскресенье же вечеромъ—*пріѣздъ жениха за невѣстой.* Въ пѣсняхъ и обрядахъ, сюда относящихся, отразилось какъ старинное умыканіе (похищеніе) невѣсты, война, такъ и позднѣйшій сговоръ, сдѣлка („згода").

Пѣсни объ умыканіи. Сторона жениха сравнивается съ налетѣвшимъ вороньемъ („ворононькы") изъ „чужой стороны", которые „разогнали" бояръ. Не страшись, теща, насъ немного играетъ („плеще", ср. Даль, Т. Сл.) на твоемъ подворьи. Родня жениха не должна („не повинна") стоять во дворѣ. Руби, дружба, двери, впускайте насъ къ дѣвицѣ: съ нами „*козакъ*, на немъ шапочка, какъ макъ". Кто же это наѣхалъ—„мѣщане или селяне", чтобы хотя знать, кому уступать („ся вступаты"). Братецъ, сѣки-руби, не выдавай сестру. Но братецъ—Татаринъ, „продалъ" сестру за талеръ... При этомъ „дружба дивочій заплатитъ два золотыхъ, пиврубля" и садятся за столъ.

Налетилы ворононькы
Зъ чужои сторононьки,
Бояривъ розигналы,
Сами посидалы.

Не страхайся, теще,
Немного насъ плéще—
Трыдцатеро и трое
На подвирячку твоимъ.
Снижокъ пролитае,
Дощыкъ накрапае—

Цэго молодого родына
Стояты не повынна
Рубай, дружба, двери,
Рубай и удвиркы—
Пускайте насъ до дивкы:
Прыйихавъ зъ намы *козакъ*,
На нимъ шапочка якъ макъ,
И золотая сброя—
Десь ту дивчына моя.

—

Шо-жъ то намъ найихало—
Чы зъ миста мищаны,
Чы зъ села селяне,
Нехай мы будемъ знаты,
Кому ся й вступаты?
Не зъ миста мищане,
Я зъ села селяне—
Нехай мы будемъ знаты,
Кому ся й вступаты.

—

Татарыну братчыку,
Стань соби на крислычку,
Сичы-рубай,
Сестры не дай,
Бо сестра дорогая,
Коса йіи золотая,
Треба йіи золотыты,
Дорогу заплатыты.
Татарынъ братчычокъ, татарынъ,
Продавъ сестрычку за талеръ,
Росую косу за шистакъ,
Румянее лычко пишло такъ.

Въ другомъ рядѣ пѣсенъ слышится уже предварительный уговоръ, условіе. Дружки изъ хаты поютъ, что зять вьется хмелемъ, разсыпается ячменемъ, васильками. Нѣжно спрашивается, гдѣ запоздалъ милый („забавывся"). Или: съ женихомъ со двора, просятъ свата вступить въ хату, чтобы пересушить одежды („шаты"). Въ пѣснѣ, наконецъ, спрашивается: съ чѣмъ пріѣхалъ за дѣвицей—есть-ли горилка, свашенькы, староста, дружба, музыкантъ—словомъ, намекъ на выкупъ, подарки.—Садятся за столъ у невѣсты. Невѣста сидитъ сиротливо, грустная. Съ обычнаго благословенія, разрѣзываютъ (дѣлятъ) коровай,—это лежитъ на

обязанности пана дружбы, у котораго „золотой ножикъ и золотая вилка“. „Поклыкають тата, родыну—а прошé-е!—раздають подарки—обыкновенно платки („хусточки“)—татови, мами, „свахамъ“.

Величають свахъ въ пѣсняхъ, просятъ „выдать“ къ невѣстѣ. Дружкамъ—дѣвицамъ поютъ, что имъ слѣдуетъ идти домой, п. ч. ихъ подруга уже не принадлежитъ имъ.

Ой, зять намъ ся стелетъ
По за ворота хмелемъ,
По подвирю ячменемъ,
А въ синехъ болотомъ,
А въ хати васылькомъ,
За тымъ сывымъ (?) столомъ.
Сывесенькымъ соколомъ.

—

Чорная хмаровька—дощъ буде,
Десь ты ся забавывъ, голубе?
Забавывъ я ся самъ у себе,
Сидлавъ коныка пидъ себе,
Йихаты, Н... до тебе.

—

Ой, свату-жъ нашъ, свату,
Пусты-жъ насъ у хату,
А мы-жъ тоби не докучымо,
Тилько шáты пересушымо,—
А въ насъ таки шаты,
Щобъ Марусеньку взяты. (Р.).

—

По щось прыйихавъ по дивку?
Чы маешъ барылце, горивку,
Чы маешъ свашенькы пышнéзьки,
Чы маешъ старосту вумного,
Чы маещъ дружбоньку скакуна—
Шобысь ты не мала соромá,
Чы маешъ ты музыку брехуна—
Шобы-сь ты не малы сорома?

—

Посадылы, якъ панятко,
Сыдытъ соби, якъ сыротятко,
Посадылы добріи люде,
Нарáдылы блызькіи сосиды. (П.).

—

Зъ калыночкы дви квиточкы—
Благословы, Боже и вотець, маты,
Коровай роскраяты.

—

Панъ дружба зблотый ножыкъ мáе,
Хорошé коровай крае,
Та золотé видéльця—
Та прыставъ дружци до серденька.

—

Свашенькы, якъ ластивкы,
Головкы, якъ макивкы,
Спиваютъ, якъ ластивкы,
Ше й свашенькы крáсни,
На ныхъ хусточкы ясни.

—

Свашенькы вермяночкы (?),
Выдайте васъ до Ганочкы?
— Мы до Ганочкы не даемо,
Лышъ хороше спиваемо.

—

Чого, дружечкы, сыдыте,
Чомъ до дому не йдете,
Бо вже Надежда не ваша,
Зъ Петрусёмъ заручена, наша. (П.).

Отправленіе невѣсты въ домъ жениха. Еще за столомъ у невѣсты поютъ: Заржали вороные кони, зазвенѣли („забрынилы“) кованые возы...; невѣста проситъ спрятать ее въ „коморѣ“ (кладовая). Потише („помало“) играйте копями, не копайте подворье, шалфей („шальвій“) не ломите, не берите молодую. Еще, т. ск., послѣдняя борьба, послѣдняя надежда невѣсты на то, что за нее заступятся, не выдадутъ отецъ, мать. Но на рыночку писаря пишутъ листы разлуки („разлучени лыста“)—„очень жалостливая пѣсня, найгорьше плачутъ“... Слѣдуетъ трогательное прощаніе невѣсты съ матерью: я оставляю, поется отъ лица невѣсты, слѣды по двору и слезы на столу; жаль будетъ тебѣ, мама, за мною—будешь часто вспоминать обо мнѣ. Слезы перемѣшиваются иногда съ шуткой, смѣхомъ—соотвѣтственно народному характеру. Свахи поютъ матери невѣсты, чтобы она готовила постель и вообще приданое, а самой невѣстѣ—чтобы она перестала плакать и благодарила отца и мать за воспита-

ніе. Во время всей этой сцены женихъ съ дружбами ждетъ во дворѣ и трижды возвращается изъ-за воротъ. Наконецъ, взявши невѣсту, дружбы изъ-за воротъ благодарятъ за угощеніе и за хорошую дѣвицу.

Ой, загыржалы вороны коны на стани
Ой, забрынилы ковани возы на двори—
Сховай мене, моя маты, въ коморв?
Ой, не поможе, моя дóненько, комора,
Бо свитлéня (свѣтлица) твоя свитлонька надоѣла,

—

Помало киньмы грайте,
Подвиря не копайте,
Шальвій не ломитъ
Молодои не беритъ.

—

Я въ Камянци на рыночку,
Мармурованый (мраморный?) мылый Боже,
Ой, е у мене мій батенько,
Не дасть мене, мылый Боже!
Ой, е у мене моя матинка,
Не дасть мене, мылый Боже!

—

Ой, въ Камянци на рыночку
Два пысарчукы лыста пышутъ;
Ой, пышутъ воны—
Разлучени лыста пышутъ...
А хто-жъ буде ся розлучаты зъ батенькомъ.
Буде си розлучаты молоденька зъ батенькомъ.

—

Не жáлуй, матинко, за мною,
Не беру я ничого зъ собою—
Лышаю слидонькы до двору,
Слизонькы по столу.

—

Замитай, маты, жаръ-жаръ,
Буде тоби дочкы жаль-жаль,—
Закыдай сыри дрова—
Бувай, маты, здорова!

—

Идешъ, маты, хуста праты—
Лышай пранькъ на загати:

Будешъ хуста праты,
Будешъ мене споминаты.

—

Було тоби, маты, пыва не пыты,
Було тоби, дочко, ще рикъ робыты.

—

Було тоби, маты, дочкы не даты,
Бо будемъ твои дочци бо́кы лататы,
Ой-ой-ой, бокы лататы! (въ шуточн. смыслѣ).

—

Лаго́дн, маты, по́стиль,
Симъ подушокъ пуховыхъ,
Сто золотыхъ готовыхъ
И коня вороного
Пидъ пана молодого

—

Ой, сядай-сядай, кохане мое,
Ничого не поможе плакання твое.
— Ой, я бы зъ вамы теразъ сидала,
Но я йще войца не дзиньковала.
— Дзинькуй-дзинькуй свому во́йцу,
Шо тя годувавъ зъ маленько́сци.
(Такъ и матинци спиваютъ).

—

Дякувалы, дяково́ьци
Оце́ви, матиноньци
За мидъ—за горивку,
За хорошую дивку.

Пріѣздъ невѣсты къ жениху. Свахи поютъ, что матери жениха наскучило дожидаться невѣстушки. Приглашаютъ встрѣтить невѣсту,—тутъ же и ея назначеніе въ семейномъ быту. Невѣста, прежде чѣмъ вступить въ домъ, „два раза льетъ изъ келишка (рюмки) *воду* „бизъ голову“ (черезъ голову), а въ третій разъ даютъ пить горилку, и тогда молодая входитъ въ хату“. Слѣдуетъ ужинъ, (вечеря). Свахи поютъ, что молодая не хочетъ ужинать; тоже поютъ и „свѣтилкѣ“ (старшей дружкѣ). Новобрачные не участвуютъ въ ужинѣ.

Вже неньци та докучило,
Кватыроньку видчиняючи,
Та невистоньки дожыдаючи.

—

Витворы, маты, лиску (въ смыслѣ двери),
Ведемъ тоби невистку—
До хаты мастильныцю,
До коморы ключныцю,
Въ поле робитныцю.

—

Хмиль лугамы, пшеныченька лавáмы—
Молода (имя), повечеряй ты зъ намы?
Зигнешься, пшеныченька вытвéся,
Вся у тои молодои вечеря мынéся!

—

Свитылочко пáнё,
Вечеряй же зъ намы?
Не казала маты
Зъ вамы вечеряты,—
Казала послужыты,
Братови посвитыты. (П.).

Въ заключеніе свадебнаго дѣйствія слѣдуетъ эпилогъ, т. н. „*пропóй*". Въ понедѣльникъ ведутъ молодую „до выводу" (церковная молитва); молодая сравнивается съ „ягодой", „калиной малиной". Пропила мать дочь свою, поется въ пѣснѣ; благодарятъ сваты за „кудрявую мяту"—символъ дѣвственности, и за „червоную калину"—тоже символъ соблюденія дѣвственности и брачнаго соединенія. На пропою (иначе перезва, которая иногда продолжается до четверга)—поется—ѣли картофель („бараболю"), „паланыцю" (пирогъ), пили медъ, горѣлку. Идемъ отъ свата трезвые: горѣлка у него овсяная; у молодой нѣтъ ничего ни на столѣ, ни подъ столомъ. У свата хата—на петрушкѣ... Сопровождаются эти пѣсни довольно рѣзкимъ восклицаньемъ: „У-у-ухъ!!!". „Три раза гильцемъ бросаютъ, перепиваютъ, перетанцёвуютъ, переряжаются, дѣлаютъ подарки". И больше поютъ, но „погáни", т. е. двухсмысленнаго содержанія.

До выводу йдéмо,
Молоду ведемо:
Молода, якъ ягода,
Славна, якъ калына,
Солодка, якъ малына.

—

Пропыла маты дóчку
На солодкимъ медочку,

За пивкварты горивкы
Позбулася дивкы.

—

Я зъ калыночкы дви квиточкы—
Дякуемъ тоби, свату,
За кучерявую мяту,
За червону калыну,
За почесциву (хорошую) дытыну. (П.).

—

Булысь мо на пропою,
Йилысь мо бараболю
Печену, варену
И масломъ намаслёну,—
Пылысь мо мидъ—горивку
За хорошую дивку,
И печену паланыцю
За хорошу молодыцю.

—

Булысь мо на пропою
Йилысь мо бараболю—
Якъ бараболь не стало,
Йилы зъ кобылы сало. (П.).

—

Пасла гусы въ березн—
Йдемъ видъ свата тверези:
Горилка вивсяная,
Йде сваха не пъяная.
Булысь мо въ молодои,
Не йилысь мо ничого:
На столи ни крышечкы,
Пидъ столомъ ни кисточкы. (П.).

—

Я въ нашого свата
На пытрушци хата,—
Я петрушка пидогныла,
Хата ся звалыла.

Этимъ заканчивается наше собраніе свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ подольской губерніи.

А. К.